

ЕВАНГЕЛИСТЫ КАКЪ ИСТОРИКИ*).

Длинный рядъ поколѣній ученыхъ представителей западнаго богословскаго міра, главнымъ образомъ среди протестантовъ, посвящали и будутъ посвящать свои усилія рѣшенію Евангельской проблемы. Эти усилія западнаго богословія отвѣчаютъ важности предмета, и ясная постановка вопроса, существовавшего уже для древнихъ толкователей, составляетъ ихъ несомнѣнную заслугу.

Въ Евангельской проблемѣ различаются, какъ извѣстно, два болѣе частныхъ вопроса: вопросъ объ отношеніи между Евангеліемъ отъ Іоанна, съ одной стороны, и первыми тремя Евангеліями, съ другой стороны, и второй вопросъ — о взаимоотношеніи первыхъ трехъ Евангелій между собою.

Недостатокъ времени и общеизвѣстность проблемы позволяютъ мнѣ ограничиться напомниманіемъ только самыхъ основныхъ положеній.

Существенныя различія, наблюдаемыя при сравненіи Евангелія отъ Іоанна съ первыми тремя Евангеліями, касаются, какъ содержанія, такъ и формы. Самое ученіе Христа Спасителя въ Евангеліи отъ Іоанна обращено къ вопросамъ догматическимъ и только въ общихъ чертахъ и въ догматическомъ контекстѣ подходитъ къ предписаніямъ христіанской морали, являющимся главнымъ содержаніемъ Евангельской проповѣди, сохраненной въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ. Сообщая цѣлый рядъ существенно новыхъ фактовъ, какъ-то: воскрешеніе Лазаря, чудо въ Канѣ Галилейской, много новыхъ подробностей въ повѣствованіи о

*) Актовая рѣчь, читанная на актѣ Православнаго Богословскаго Института въ Парижѣ 23 (10) Октября 1927 г.

Страстяхъ и Воскресеніи, — Евангеліе отъ Іоанна, вообще не отличающееся богатствомъ фактическаго матеріала, располагаетъ эти новые факты такъ, что у читающаго создается впечатлѣніе иной географической и хронологической рамки земного служенія Господа, чѣмъ это вытекаетъ изъ простаго чтенія первыхъ трехъ Евангелій. У первыхъ трехъ Евангелистовъ до описанія торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ, все вниманіе сосредоточено на проповѣди Евангелія въ Галилеѣ. Іоаннъ, не оставляя совершенно въ сторонѣ и Галилейской проповѣди, останавливается преимущественно на общественномъ служеніи Господнемъ въ Іерусалимѣ. Всѣ событія земной жизни Іисуса Христа, упоминаемыя первыми тремя Евангелистами, отъ крещенія Іоаннова до вознесенія, всего естественнѣе располагаются на протяженіи одного года. Евангеліе отъ Іоанна, неоднократно говорящее о наступленіи Іудейской Пасхи (II. 13. VI. 4. XI. 55; можетъ быть, и V. 1); предполагаетъ большую продолжительность, обыкновенно опредѣляемую числомъ лѣтъ не менѣе трехъ. При этомъ самая форма Христовой проповѣди въ Евангеліи отъ Іоанна сильно отличается отъ изложенія первыхъ трехъ Евангелистовъ. Не говоря уже о томъ, что отвлеченный языкъ поученій Христовыхъ у Іоанна, совпадающій съ языкомъ остальныхъ выступающихъ въ Евангеліи лицъ и съ языкомъ самого Евангелиста въ повѣствовательныхъ частяхъ, совсѣмъ не похожъ на яркій приточный языкъ поученій Спасителя въ другихъ Евангеліяхъ, — даже тѣ немногочисленныя притчи, которыя сохранены Іоанномъ (напр., притчи о дворѣ овчемъ, о виноградной лозѣ и вѣтвяхъ), носятъ на себѣ печать той же отрѣшенности, которая свойственна всему Евангелію отъ Іоанна, и даже обозначаются другимъ греческимъ терминомъ, не удержавшимся въ переводѣ: притчи у Іоанна — *παροιμίαι*, притчи у другихъ Евангелистовъ — *παραβολαί*.

Указанныя отличія, касающіяся какъ содержанія, такъ и формы поставили передъ западной наукою вопросъ: можно ли вообще согласовать между собою данныя Евангелія отъ Іоанна и первыхъ трехъ Евангелій? Не стоимъ ли мы передъ цѣлымъ рядомъ неразрѣшимыхъ противорѣчій?

Наряду съ Іоанновскимъ вопросомъ встаетъ другой вопросъ — синоптический.

Какъ извѣстно, синоптическими въ современной наукѣ названы первыя три Евангелія отъ греческаго слова *σύνοψις*, обзорѣніе, потому что содержаніе этихъ Евангелій можетъ быть

расположено въ трехъ параллельныхъ столбцахъ. Эта близость первыхъ трехъ Евангелій между собою выражается не только въ общности плана, выдвигающаго одни и тѣ же основныя событія Евангельской исторіи и, какъ уже указано, явно отличающагося отъ плана четвертаго Евангелія со стороны хронологіи и географіи. Совпадая въ цѣломъ, синоптическія Евангелія совпадаютъ и въ частностяхъ. Можно назвать цѣлыя группы фактовъ, не относящихся къ основнымъ событіямъ Евангельской исторіи, которые у каждаго изъ трехъ синоптиковъ оказываются расположенными въ одномъ и томъ же порядкѣ (напр. Мѡ. IX. 1-17 = Мк. II. 1-22 = Лк. V. 17-39, или Мѡ. VIII. 23-34 = Мк. IV. 35-V. 40 = Лк. VIII. 22-39). Указаніе созпаденій можетъ быть доведено до указанія буквальнаго совпаденія отдѣльныхъ выраженій (напр., Мѡ. XXVI. 55 = Мк. XIV. 48 = Лк. XXII. 52 и др.), позволяющаго предполагать уже прямое заимствованіе однимъ Евангелистомъ отъ другого или общій писанный источникъ. Совпаденія наблюдаются не только при сравненіи всѣхъ трехъ синоптиковъ между собою, но и при сопоставленіи ихъ попарно, въ тѣхъ частяхъ, которыя не повторяются у каждаго синоптика. Подобное сравненіе особенно показательно для Маттея и Луки. Но этотъ общій фонъ только отгѣняетъ существующія расхожденія. Различія, какъ и совпаденія, выражаются въ различіи плана, т. е. въ иномъ порядкѣ повѣствованія объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, и въ сообщеніи разныхъ подробностей при передачѣ этихъ фактовъ. Какъ примѣръ различія плана, можно привести Нагорную проповѣдь. Связному изложенію Маттея (въ главахъ V-VII) у Луки соответствуетъ не только VI глава, являющаяся прямою параллелью, но и цѣлый рядъ разрозненныхъ изреченій, которыя можно прослѣдить до XVI главы включительно. Чудеса, сгруппированныя Маттеемъ въ VIII и IX главахъ, разсѣяны у Марка на протяженіи главъ отъ I до V-й включительно, при чемъ эти главы содержатъ много и иного матеріала, расположеннаго у Маттея въ другихъ главахъ, такъ, напр., въ главѣ IV помѣщены у Марка первыя притчи, рассказанныя у Маттея въ XIII главѣ; о посольствѣ апостоловъ, которому Маттеемъ посвящаетъ главу X, Маркъ говоритъ въ главѣ VI и только о поставленіи апостоловъ въ гл. III и т. д. Многочисленныя различія въ частностяхъ при передачѣ тѣхъ же фактовъ становятся особенно замѣтны при сопоставленіи синоптическихъ повѣствованій о воскресеніи Христовомъ, но даже поученія

Христовы (ср., напр., Мѣ. XIII. 11-13 = Мк. IV. 11. 12 = Лк. VIII. 10, или Мѣ. XXI. 33-46 = Мк. XII. 1-12 = Лк. XX. 9-18), часто передаются у трехъ синоптиковъ съ существенными отличіями въ подробностяхъ.

Если совпаденія синоптиковъ ставятъ вопросъ о прямомъ заимствованіи или общемъ писанномъ источникѣ, то наблюдаемыя различія дѣлаютъ во многихъ случаяхъ простое согласованіе строго говоря невозможнымъ.

Работая надъ рѣшеніемъ Евангельской проблемы, западная наука не пришла къ одному положительному результату.

Наряду съ защитниками стараго мнѣнія, представленнаго въ протестантскомъ богословіи консервативными кругами и опирающагося на преданіе, сохраненное древними писателями и признающее четвертое Евангеліе писаніемъ апостола Іоанна Зеведеева, восполнявшаго духовнымъ Евангеліемъ писанія первыхъ трехъ Евангелистовъ, изобразившихъ внѣшнюю «плотскую», сторону Евангельской исторіи, представители протестантской радикальной критики отрицаютъ за Евангеліемъ отъ Іоанна всякое значеніе въ смыслѣ достовѣрнаго свидѣтельства о жизни и ученіи Іисуса Христа и считаютъ его произведеніемъ позднѣйшаго писателя, испытавшаго на себѣ вліяніе гностицизма. Представители промежуточнаго мнѣнія, пользующагося въ послѣднія десятилѣтія значительнымъ успѣхомъ у нѣмецкихъ — тоже протестантскихъ — ученыхъ (Wellhausen, Spitta, Schwarz и др.), склонны различать въ Евангеліи рядъ слоевъ разновременнаго происхожденія и разной исторической цѣнности. Но наибольшимъ успѣхомъ въ умѣренно либеральныхъ протестантскихъ группахъ пользуется уже довольно значительное время извѣстная гипотеза пресвитера Іоанна, приписывающая всѣ Іоанновскія писанія Новаго Завѣта этому неизвѣстному ученику Христову, представителю иныхъ круговъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ принадлежали двѣнадцать апостоловъ, и изъ которыхъ вышло синоптическое преданіе.

Синоптическая проблема также не получила одного рѣшенія. Гипотеза самостоятельно записаннаго устнаго преданія объясняла основное совпаденіе и главныя различія въ словесной передачѣ, но ставила въ свою очередь, рядъ новыхъ вопросовъ о языкѣ, о формѣ и о самомъ составѣ этого устнаго преданія. Гипотеза писанныхъ источниковъ принимала разныя формы, неизбѣжно усложнявшіяся. Допущеніе вліянія одного Евангелиста на дру-

того, съ необходимостію, приеодила къ допущенію вліянія каждаго изъ трехъ синоптикозъ на двухъ другихъ, а, слѣдовательно, и къ допущенію ряда послѣдовательныхъ редакцій каждаго Евангелія. Попытки установить наличность двухъ основныхъ источниковъ: сборника рѣчей Христовыхъ, составляющихъ главное содержаніе Евангелія отъ Маттея и Евангелія отъ Луки и, съ другой стороны, использованнаго ими обоими Евангелія отъ Марка, послѣдовательно привели къ дальнѣйшей гипотезѣ, приписывающей и Марку использование другого до насъ не дошедшаго источника, *Urmarkus*, какъ его иногда называли нѣмецкіе изслѣдователи. Этотъ первоисточникъ, послужившій основою также для Маттея и Луки, по мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ протестантскихъ ученыхъ, въ Евангеліи отъ Луки сохранился даже лучше, чѣмъ въ Евангеліи отъ Марка. Нужно помнить, что основная гипотеза двухъ писанныхъ источниковъ была сразу же дополнена вспомогательными построеніями, допуская существованіе еще нѣсколькихъ другихъ — тоже писанныхъ источниковъ.

Этотъ поверхностный обзоръ существующихъ Евангельскихъ гипотезъ имѣетъ значеніе примѣрное.*) Я позволилъ себѣ обременить имъ Ваше вниманіе для того, чтобы Вамъ было ясно, сколь многочисленны рѣшенія Евангельской проблемы, къ которымъ пришла современная протестантская наука. Эти рѣшенія взаимно другъ друга исключаютъ и дѣлаютъ сомнительными самыя предпосылки. Предпосылки вездѣ однѣ и тѣ же. Множество конкретныхъ рѣшеній можетъ быть легко сведено къ единству исходныхъ точекъ. Ихъ установленіе — наша ближайшая задача. При этомъ вопросъ о буквальномъ совпаденіи отдѣльныхъ выраженій въ синоптическихъ Евангеліяхъ мы вправѣ оставить безъ разсмотрѣнія. Къ его рѣшенію можетъ приблизить исторія Евангельскаго текста.

Въ существенномъ Іоанновская и синоптическая проблемы сводятся къ указанію противорѣчій между Евангельскими по-

*) Подробности можно найти въ имѣющихся Введеніяхъ въ Новый Заветъ, напр.: *Moffatt. An Introduction to the literature of the New Testament. Edinburgh. 1911* (прекрасная библиографія) или *Jülicher, Einleitung in das Neue Testament. 5-6 Aufl. (4 Abdr). Tübingen 1921*. Въ эти введенія не вошли работы, появившіяся за послѣдніе годы. Примѣрный характеръ моего обзора освобождаетъ меня отъ необходимости излагать новѣйшія теоріи. О нихъ см. въ книгѣ *Mc. Neile. An Introduction to the Study of the New Testament. Oxford. 1927*.

вѣствованіями, а потому и основнымъ вопросомъ является вопросъ о происхожденіи наблюдаемыхъ различій.

Гипотезы, отвѣчающія на этотъ вопросъ, покоятся на убѣжденіи, что истину, которую мы стремимся чрезъ изученіе Евангелій познать, нашему познанію доступна, и что, слѣдовательно, — и это въ лучшемъ случаѣ — только одно изъ противорѣчащихъ повѣствованій можетъ эту истину содержать. Объясненіе различій сводится къ установленію искаженія истины и причинъ такового искаженія. Всѣ Евангельскія гипотезы, старающіяся указать эти причины, исходятъ всецѣло изъ обще-психологическихъ предпосылокъ, основанныхъ на данныхъ нашего опыта. — Въ основѣ искаженія можетъ лежать неправильное воспріятіе или невѣрное — съ умысломъ или безъ умысла — воспроизведеніе воспріятого. Сюда подходятъ такіе случаи, какъ измѣна памяти при передачѣ устнаго преданія, его тенденціозная обработка послѣдующими редакторами, и т. д. и т. д.

Доступенъ ли этотъ путь для православнаго изслѣдователя? Въ основѣ православнаго толкованія Священнаго Писанія лежитъ ученіе о его богодухновенности. Понятіе богодухновенности понималось и понимается по разному. Православное богословіе утверждаетъ полноту человѣческаго сознанія богодухновеннаго писателя и человѣчески цѣлесообразное употребленіе имъ средствъ, ему по человѣчеству доступныхъ и необходимыхъ для выполненія возложеннаго на него заданія. Но самое это заданіе предполагаетъ особенный даръ Божественной благодати, сообщаемый священному писателю въ виду поручаемаго ему служенія и не допускающій ограничительнаго толкованія въ смыслѣ только общаго благодатнаго укрѣпленія его естественныхъ силъ. Этимъ пониманіемъ богодухновенности исключается самая возможность неправильнаго воспріятія и искаженія воспріятого, являющаяся непремѣнной предпосылкой всѣхъ вышеупомянутыхъ рѣшеній Евангельской проблемы.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, объясняются различія? Являются ли они противорѣчіями?

Противорѣчіе между двумя повѣствованіями объ одномъ и томъ же фактѣ можетъ возникнуть только тогда, когда этотъ фактъ въ обоихъ повѣствованіяхъ разсматривается въ одной и той же плоскости. Эта общая плоскость, въ которой разсматриваются Евангельскія повѣствованія учеными представителями западнаго богословія, есть плоскость исторіи. Историческая

предпосылка не всегда высказывается, но предполагается неизменно. На исторической точкѣ зрѣнія стоятъ и тѣ консервативные богословы, которые озабочены фактическимъ согласованіемъ расходящихся свидѣтельствъ Евангелистовъ. Это согласованіе — тоже въ плоскости исторіи. Формально понятіе исторіи раскрывается со стороны слѣдующихъ существенныхъ признаковъ: исторія воспроизводитъ событія прошлаго, размѣщаетъ ихъ въ хронологической послѣдовательности и устанавливаетъ между ними причинно-слѣдственную связь. Наблюдаемая между Евангельскими повѣствованіями различія: иная передача тѣхъ же фактовъ, расположеніе ихъ въ иномъ порядкѣ и т. д., воспринимаются, какъ противорѣчія, въ плоскости исторіи.

Приложимы ли къ Евангелію формальные признаки исторіи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, православный изслѣдователь долженъ отправляться отъ той же непремѣнной предпосылки богодухновенности Священнаго Писанія, которая, какъ мы уже видѣли, является условіемъ правильнаго толкованія. Вопросъ удобнѣе расчленивъ и поставить его сначала примѣнительно къ синоптикамъ, а затѣмъ распространить и на Іоанна.

Только одинъ Лука задается формально исторической цѣлью. Онъ ставитъ себѣ задачей описать достопочтенному Теофилу «совершенно извѣстныя событія» — *καθεξῆς* — по порядку (1, 3). Изъ понятія богодухновенности священной книги вытекаетъ, что цѣль, поставленная авторомъ въ согласіи съ освящающей благодатію Святаго Духа, была имъ несомнѣнно достигнута. Общепринятое употребленіе греческаго нарѣчія *καθεξῆς* разумѣетъ предполагаемый имъ порядокъ въ смыслѣ послѣдовательности во времени. Невозможность согласовать хронологическія данныя Луки съ хронологическими данными Маттея и Марка, съ неизбежностью, приводитъ къ выбору въ пользу хронологіи Луки, а, слѣдовательно, и къ отрицательному выводу, который гласитъ, что подъ формальное опредѣленіе исторіи повѣствованія Марка и Маттея подойти не могутъ.

Подходитъ ли Евангеліе отъ Луки? Вопросъ потому является уиѣстнымъ, что формальное понятіе исторіи не исчерпывается однимъ только существеннымъ признакомъ хронологической точности. Отвѣчаетъ ли Евангеліе отъ Луки остальнымъ формальнымъ признакамъ исторіи?

Этотъ вопросъ сразу же осложняется другимъ вопросомъ. Научныя гипотезы, подходя къ Евангеліямъ въ плоскости исторіи,

объясняли существующія между ними различія, отправляясь отъ предпосылокъ общей психологіи. Содержаніемъ исторіи являются, такимъ образомъ, данныя человѣческаго опыта. Поставленный нами вопросъ, отвѣчаетъ ли Евангеліе отъ Луки формальнымъ признакамъ исторіи, естественно, приводитъ къ дальнѣйшему вопросу: въ какомъ отношеніи содержаніе Евангелія находится къ даннымъ человѣческаго опыта?

Къ отвѣту на этотъ двойной вопросъ можетъ подвести общая характеристика Евангелія отъ Луки.

Евангеліе отъ Луки есть Евангеліе спасенія. И Маркъ, и Матѳей тоже запечатлѣли въ своихъ книгахъ благую вѣсть о спасеніи. Но Евангеліе отъ Луки въ ряду синоптическихъ Евангелій есть Евангеліе спасенія по преимуществу. Евангеліе отъ Марка, Евангеліе побѣды надъ міромъ Божественнаго царя, возвѣщаетъ о спасеніи отъ міра (Мк. XVI). Евангеліе отъ Матѳея говоритъ о спасеніи отъ грѣха (Мѳ. I, 21). У Луки совмѣщаются обѣ стороны. Какъ и Маркъ, Евангелистъ Лука изображалъ благовѣстіе Христово въ рѣзкомъ противоположеніи міру (XII, 13-40). Какъ Матѳей, онъ несъ благую вѣсть о спасеніи отъ грѣха (I, 77), раскрывалъ моральную сторону Евангельскаго ученія (VI, 27-49) и сохранилъ въ рассказѣ о Марѣ и Маріи память о первенствующемъ въ благовѣстіи Христовомъ значеніи духовныхъ цѣнностей (X, 38-42). Но была и другая сторона, на которую Лука обращалъ особенное вниманіе — спасеніе отъ страданія. Только у Луки сообщается содержаніе перваго поученія Иисуса Христа въ Назаретской синагогѣ, когда Онъ возвѣстилъ исполненіе слова пророка Исаи о благовѣстіи избавленія нищимъ и страдающимъ, о проповѣди лѣта Господня благоприятнаго (IV, 16 и сл.). Одинъ Лука привелъ прозныя предостереженія Спасителя богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся и окруженнымъ всеобщимъ почитаніемъ въ противовѣсъ ублаженію нищихъ, алчущихъ, плачущихъ и ненавидимыхъ Сына Человѣческаго ради (VI, 20.-26) и съ этими блаженствами и проклятіями связалъ религиозно-моральныя предписанія, главная часть которыхъ сохранена у Матѳея въ составѣ Нагорной проповѣди. Но самая эта связь говоритъ уже о большемъ. Въ полнотѣ спасенія, возвѣщаемой Евангеліемъ отъ Луки, спасеніе отъ грѣха и спасеніе отъ страданія, спасеніе отъ власти міра, совмѣщается въ любви. Эта любовь есть любовь отца къ блудному сыну (XV, 11-32), она открываетъ объятія презрѣнному Закхею (XIX, 1 и сл.). Въ

любви выражается спасительная вера. — Въ актѣ прошенія съ любовью человѣческой таинственно сочетается милующая любовь Божія, какъ это тоже рассказалъ одинъ только Лука, вспомнившій о грѣшной женѣ, помазавшей въ домѣ фарисея ноги Спасителя (VII, 37-50). Самъ Господь молился за мучителей и простилъ благоразумнаго разбойника (XXIII). И потому Евангеліе отъ Луки, — Евангеліе тельца, согласно извѣстной символикѣ Евангелистовъ, — есть Евангеліе искупленія.

Искупительныя страсти Христовы въ Евангеліи отъ Луки занимаютъ центральное мѣсто. Симеонъ Богопріимецъ говоритъ объ оружіи, которое пройдетъ душу Пречистой Дѣвы (II, 35). Съ IX главы начинается путь Господень въ Іерусалимъ. Евангелистъ отмѣчаетъ этотъ моментъ и значеніе пути: «приближались дни взятія Его отъ міра» (ст. 51).*) На горѣ Преображенія Моисей и Ілія, «явившись во славу, говорили объ исходѣ Его, который Ему надлежало совершить въ Іерусалимѣ» (ст. 31). И на всемъ протяженіи послѣдующихъ главъ (до главы XIX включительно). Евангелистъ постоянно напоминаетъ, что Господь совершаетъ путь (IX. 57. X. 38. XIII. 22. XIV. 25. XVII. 11. XVIII. 31. 35. XIX. 1. 11. 28), и что этотъ путь ведетъ въ Іерусалимъ, къ страстямъ въ Іерусалимѣ: объ этомъ говоритъ Самъ Господь (напр., XIII. 31 и слѣд.), это вытекаетъ изъ Его притчъ (напр. о минахъ въ гл. XIX), это слышно и въ словахъ Его плача надъ Іерусалимомъ (XIX, 41 и сл.). Съ конца XIX главы Господь уже въ Іерусалимѣ, и вся исторія страстей въ передачѣ Луки подчеркиваетъ и усугубляетъ моментъ страданія: слово къ Петру о сатанѣ, просившемъ съять апостоловъ, какъ пшеницу (XXII. 31 и сл.), разговоръ о мечяхъ (XXII. 35-38), кровавый потъ (XXII. 44). Іерусалимскія женщины на крестномъ пути (XXIII. 27-31): эти и многія другія черты углубляютъ изображеніе страданія. Но, если послѣднія главы Евангелія, говорящія о страстяхъ, предваряются ожиданіемъ страстей въ предыдущихъ главахъ, то, съ другой стороны, и въ самомъ искупительномъ подвигѣ, въ самомъ актѣ жертвеннаго пролитія крови Христосъ Спаситель продол-

*) Такъ переведено въ нашемъ синодальномъ изданіи греческое выраженіе: τὰς ἡμέρας τῆς ἀναλήψεως αὐτοῦ. Слово ἀνάληψις буквально значитъ вознесеніе (слав. переводъ: восхожденіе; ср. ἀνελήφθη Мк. XVI. 19. Дѣян. I. 2. 22. X. 16. I Тим. III. 16, ἀναληφθείς, Дѣян. I. 11— о вознесеніи Господнемъ). Очевидно, Евангелистъ Лука имѣетъ въ виду ту конечную точку земнаго служенія Іисуса Христа, къ которой Онъ идетъ чрезъ смерть и воскресеніе.

жаетъ свое служеніе Божественнаго Учителя, облеченнаго властью; къ женамъ Іерусалимскимъ передъ распятіемъ Онъ обращается съ словомъ назиданія и принимаетъ раскаявшагося разбойника, какъ нѣкогда принялъ Закхея (XXIII. 39-43).

Евангеліе спасенія раскрывается въ Іудейской средѣ, какъ нѣчто существенно новое. Очистившіеся прокаженные, которыхъ Господь послалъ показаться священникамъ, должны были вернуться къ Нему, воздать славу Богу, какъ это сдѣлалъ одинъ самарянинъ (XVII. 12-19). Это — символъ новаго. Но это новое связано съ прошлымъ. И Лука тоже, какъ и Матеей, главное основаніе Новаго Завѣта видитъ въ Завѣтѣ Ветхомъ. Это — смыслъ первыхъ двухъ главъ, которыя подводятъ къ событіямъ Евангельской исторіи, главъ ветхозавѣтныхъ по духу. И на исходѣ Евангельской исторіи Воскресшій Господь ученикамъ изъясняетъ Писаніе (XXIV. 27, 45). Ветхій Завѣтъ — это старое вино, отвѣдавъ котораго Іудеи не могутъ сразу пить новаго (V. 39), но объ изъятіи этого стараго вина тоже не говорится.*) Въ этомъ Лука не расходится съ Матеемъ (ср. Мѣ. XIII. 52 — о сокровищницѣ книжника, наученнаго старому и новому). Но Лука сохранилъ притчу о милосердомъ самарянинѣ (X. 30-37) и память о благодарномъ прокаженномъ, тоже самарянинѣ, и только Лука отмѣчаетъ заслуги язычника — Капернаумскаго сотника, передъ Израилемъ: «онъ любитъ народъ нашъ и построилъ намъ синагогу» (VII. 5). Это — предвареніе спасенія въ язычествѣ.

Всею прошлою жизнію человѣчество готовится къ пришествію Христа Спасителя. И въ настоящемъ — та же полнота. Неумолимая предписанія христіанскаго долга почти ритмически чередуются съ изліянiями божественной любви. Въ XV главѣ, притчи о заблудшей овцѣ, о потерянной драхмѣ и о блудномъ сынѣ восполняютъ суровое ученіе о самоотверженіи, которымъ заканчивается глава XIV, и предваряютъ призывъ къ мудрой разсудительности въ сложныхъ конфликтахъ совѣсти, о которыхъ говоритъ глава XVI притчами о неправедномъ домоправителѣ и богачѣ и Лазарѣ. Духовная жизнь развивается органически: посѣянное сѣмя приноситъ плодъ въ терпѣніи (VIII. 15 только у Луки). Это — предвареніе будущаго спасенія.

*) Вторая половина стиха 38 прямо говоритъ о сохраненіи старыхъ мѣховъ, но эти слова въ лучшихъ рукописяхъ отсутствуютъ. Можно предполагать, что они перенесены переписчикомъ изъ текста Евангелія отъ Маттея (IX. 17).

Но предвареніе — не только въ духовной жизни, въ изобильныхъ проявленіяхъ божественной любви, въ молитвенномъ восхожденіи къ Богу — Лука говоритъ о молитвѣ больше другихъ синоптиковъ (III. 21. V. 16. VI. 12. IX. 18. 29. XI. 1. 5-9. XVII. 1-8. 10-14; эти мѣста не имѣютъ параллелей у другихъ Евангелистовъ) — надо помнить, что наше третье Евангеліе есть Евангеліе о Божіей Матери (I-II); оно же — Евангеліе о Святомъ Духѣ и Его благодатныхъ дарахъ (I. 15. 35. 41. 67. II. 25. 26. XI. 13 — только у Луки); оно же исполнено предвкушенія грядущей славы. Явленіе славы сопровождаетъ Рождество (II. 9. 14). Въ славу входитъ Господь чрезъ смерть и воскресеніе (XXIV, 25-26). Въ подробномъ разсказѣ о Тайной Вечери (XXII) становится ясенъ прообразовательный смыслъ ветхозавѣтной Пасхи. Прообразъ переходитъ: его исполненіе — въ христіанской Евхаристіи, открывающей участіе въ трапезѣ Царствія Божія. Для вѣрующихъ во Христа, Его второе пришествіе будетъ пришествіемъ избавленія (XXI. 28). И сподобившіеся достигнуть воскресенія мертвыхъ умереть уже не могутъ (XX. 36).

Евангеліе отъ Луки изображаетъ дѣло спасенія въ видѣ органическаго процесса. Мы видѣли, что это относится и къ цѣлому человѣческому роду и къ раскрытію искупленія въ событіяхъ Евангельской исторіи, и къ жизни отдѣльной человѣческой души. Это выражается и во внѣшней архитектоникѣ Евангелія. Проповѣдь Спасителя во время пути Его изъ Галилеи въ Іерусалимъ (IX. 51-XIX. 28) передается такъ, что отдѣльныя поученія, сказанныя въ разное время и разнымъ людямъ, другъ друга восполняютъ и раскрываютъ. Читатель, естественно, сопоставляетъ исполненіе воли Божьей милосердымъ самаряниномъ (X. 36. 37) съ духовнымъ служеніемъ Маріи (X. 41. 42). Въ притчахъ Христовыхъ, сказанныхъ въ домѣ у фарисея (XIV. 1-24). дается отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи къ спасенію іудеевъ, вытекающей изъ ученія о числѣ спасающихся (XIII, 23 и сл.) и изъ отношенія Господа къ покушенію на Него Ирода (XIII, 31-35.). Съ другой стороны, сравненіе съ первыми двумя синоптиками показываетъ, что Лука часто опускаетъ цѣлые эпизоды — напр., проклятіе смоковницы, какъ бы повторяющее только имъ приводимую притчу о неплодной смоковницѣ (XIII. 6-9), помазаніе Іисуса Христа женою въ Вифаніи, просьбу сыновъ Зеведеевыхъ о почетныхъ мѣстахъ въ Царствіи Божьемъ, притчу о талантахъ, притчу о брачномъ пирѣ царскаго сына и нѣкоторыя

другія мѣста, встрѣчающіяся у Марка и Матѳея и имѣющіяся косвенныя параллели у Луки, — если они нарушаютъ гармонію цѣлаго.*)

Отвѣчаетъ ли Евангеліе отъ Луки формальнымъ признакамъ исторіи? Исторія воспроизводитъ факты въ хронологической послѣдовательности и во внутренней причинно-слѣдственной связи. Органическое построение Луки отвѣчаетъ этимъ признакамъ. Внутренняя связь событій и ихъ нарастаніе особенно видны въ началѣ: въ главахъ I и II, гдѣ говорится о Рождествѣ Христовомъ и о событіяхъ, ему предшествовавшихъ и за нимъ непосредственно слѣдовавшихъ, и еще больше въ концѣ: въ повѣствованіи о воскресеніи, которое тѣсными нитями въ словахъ ангеловъ у гроба (XXIV, 6, 7, 8, 12) и Самого Господа ученикамъ (XXIV, 25-27, 44-47) связано и съ Вѣтхимъ Завѣтомъ и съ раннѣйшими предсказаніями Самого Спасителя. Большую тщательность проявляетъ Лука и во воспроизведеніи отдѣльныхъ фактовъ. Правда, забота Луки о гармоніи цѣлаго, строго говоря, уже отвлекается отъ внѣшней формы исторіи и вникаетъ въ ея внутренній сокровенный смыслъ. Но сопоставленіе несомнѣннаго факта рождества Христова отъ Дѣвы съ мнимымъ человѣческимъ родословіемъ (III. 23-38 и предшествующее изложеніе) устанавливаетъ истинное содержаніе понятія «Сынъ Божій» относящееся ко Христу. Послѣ разсказа о Преображеніи (IX, 28-36) Лука съ замѣчательною тщательностью отмѣчаетъ, кому сказаны отдѣльныя поученія: только ли ученикамъ, или народу или ученикамъ при народѣ (ср. IX. 43. X. 23. XI. 1. 15 и сл. 27 и сл. 29. XII. 1. 13. 22. 54. XIII. 1 и слл. XV. 1-3. XVI. 1 ср. 14. XVII. 1 и др.) Порою Лука исправляетъ другихъ синоптиковъ. Лука чуждъ схематизма Матѳея: онъ дважды говоритъ о возвращеніи учениковъ, посланныхъ на проповѣдь (IX. 10 и X. 17), тогда какъ Матѳей говоритъ только о ихъ отправленіи (Ме. X. 5). Іерихонскій слѣпецъ былъ исцѣленъ, согласно Лукѣ, не при выходѣ изъ города, но при входѣ. Но это исправленіе обычно касается только существеннаго. Въ этомъ же самомъ случаѣ (XVIII, 35) Лука вмѣстѣ съ Маркомъ (Мк. X. 46) въ отличіе отъ Матѳея (XX. 30), говоритъ не о двухъ, а только объ одномъ слѣпомъ. И то же въ случаѣ съ Гадаринскимъ бѣсноватымъ (VIII, 27 ср. Ме. VIII. 28. Мк. V. 2). По смыслу самаго понятія богодухно-

*) Ср. Лк., VII. 36-50; XXII. 24-30; XIX. 12-27; XIV. 16-24 и др. косвенныя параллели.

венности, ихъ конечно, было по два, но активнымъ въ каждомъ случаѣ былъ, надо полагать, только одинъ, и только его Лука и называетъ.

Это исправленіе касается и хронологіи. Всѣ отличія плана, перемѣщеніе отдѣльныхъ событій и отдѣльныхъ поученій сравнительно съ текстомъ Маттея и Марка, становятся понятны, если мы допустимъ такое сознательное исправленіе. Эта особенность Евангелія отъ Луки проявляется, преимущественно, во второй части, гдѣ говорится о пути Христовомъ изъ Галилеи въ Иерусалимъ. Десяти главамъ Луки (IX. 51-XIX. 28) соотвѣтствуютъ двѣ главы у Маттея (XIX-XX) и одна у Марка (X). Цѣлый рядъ поученій Христовыхъ, относимыхъ Лукою къ этой второй части, передаются первыми двумя синоптиками въ составѣ Галилейской проповѣди Спасителя (ср. Лк. XII. 22-31 и Мѡ. VI. 25-33; Лк. XI. 15. 17-26 и Мѡ. XII. 24-30. 43-45; Лк. XIII. 18-21 и Мѡ. XIII. 31-33 и Мк. IV. 30-32 и т. д.). И, наконецъ, — и это самое главное — одинъ только Лука устанавливаетъ со всею тщательностью хронологическую исходную точку Евангельской исторіи (III. 1. 2)

Но при всей этой заботѣ о хронологической точности сообщаемыя Лукою хронологическія данныя не являются достаточными. Недостаточно установить исходную точку и рассказать послѣдующія событія по порядку.*) Надо знать продолжитель-

*) Нельзя не признать, что порядокъ событій во второй части вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Если путь Иисуса Христа ведетъ изъ Галилеи въ Иерусалимъ, то указаніе XIII, 31 заставляетъ предполагать, что Онъ былъ въ этотъ моментъ въ предѣлахъ досягаемости Ирода, т. е., очевидно, все еще въ Галилеѣ (ср. III. 1), что и подтверждается замѣчаніемъ XVII. 11. Съ другой стороны, и наставленія семидесяти въ X гл. находятся въ тѣсной связи съ путемъ Христовымъ (ср. X, 1), и непокорные города, которымъ Иисусъ Христосъ при этомъ, возвѣщаетъ горе (X. 13, 15), расположены въ Галилеѣ, т. е., надо полагать, первая половина гл. X тоже относится къ Галилеѣ. Между тѣмъ, указаніе IX. 51-56 позволяетъ предположить, что Иисусъ Христосъ Галилею уже прошелъ и вступалъ въ Самарію, а сопоставленіе X. 38-42 съ Иоанн. XI. 1 допускаетъ отождествленіе села Марѡи и Маріи съ Виваніею, находившеюся въ 15 стадіяхъ отъ Иерусалима (Иоанн. XI. 18). Создается впечатлѣніе нарушенія историческаго порядка, которое нѣкоторые толкователи пытаются устранить допущеніемъ двухъ или даже трехъ путешествій Иисуса Христа въ Иерусалимъ (ср., напр., M. J. Lagrange. *Evangelie selon Saint Luc. Etudes Bibliques.* 2 éd. Paris 1921. стр. 387). Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса согласиться очень трудно въ виду ясности указанія IX. 51. Но въ немъ нѣтъ и никакой необходимости. Привлеченіе Евангелія отъ Иоанна для болѣе точнаго изображенія внѣшней обстановки Евангельскихъ событій представляется неосторожнымъ, если мы примемъ во вниманіе внѣ-историческій характеръ его изложенія. Между тѣмъ, вполне естественно предположить, что вѣстники IX. 52 посланы были, какъ и семьдесятъ (X. 1), предъ лицомъ Гос-

ность отдѣльныхъ эпизодовъ и раздѣляющихъ ихъ промежутковъ времени. Этого Лука не даетъ (ср., напр., Лк. IV. 44 и V. 1; IX. 11 и 18, 51. XI. 1. 14. XIII 31 и XIV. 1. XVIII. 35 и др.). Какой срокъ прошелъ отъ крещенія Іоаннова до Вознесенія Господня? Говорятъ, годъ. Да, это наиболѣе вѣроятно. Но попытки связать хронологію синоптиковъ: — и Луки въ ихъ числѣ: — съ хронологіею, которая предполагается Евангеліемъ отъ Іоанна, приводили къ результатамъ, которымъ также нельзя отказать въ извѣстной правдоподобности. Исходная точка для согласованія — недостаточная ясность хронологіи синоптиковъ. Больше того. Книга Дѣяній — тоже писаніе Луки — говоритъ о сорока дняхъ, протекшихъ отъ воскресенія до вознесенія (Дѣян. 1. 3), т. е. даетъ точное указаніе времени. Событія XXIV главы Евангелія отъ Луки, начинающейся съ воскресенія и заканчивающейся вознесеніемъ*), проходятъ на протяженіи сутокъ, или, лучше говоря, совершенно расторгаютъ хронологическую рамку, не позволяютъ говорить уже ни о какой хронологіи.

Быль ли Лука историкомъ?

Лука старался точно воспроизвести факты, расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, связать въ органическое цѣлое. Но хронологія Луки не удовлетворяетъ требованіямъ научной хронологіи, а въ концѣ Евангелія хронологическій остовъ и совершенно исчезаетъ. Почему? Это и есть тотъ второй вопросъ, который мы поставили. Современный историкъ, изучающій прошлое и прилагающій свою современную мѣрку и къ исторіи Евангельской, знаетъ, что изучаемые имъ факты всецѣло

поднимъ, и это приготовленіе пути Христова совершалось заблаговременно. Такимъ образомъ, хотя впечатлѣніе нѣкоторой неясности и остается, но возникающее недоумѣніе получаетъ удовлетворительное разрѣшеніе.

*) Изложенное пониманіе Лк. XXIV не зависитъ отъ того, принадлежатъ ли къ первоначальному тексту Евангелія слова ст. 52: καὶ ἀνεφέρετο εἰς τὸν οὐρανόν. говорящія о Вознесеніи, какъ таковомъ. Изслѣдованіе древнихъ текстовъ дастъ нѣкоторое основаніе для предположенія, что слова эти были прибавлены впоследствии. Но даже въ такомъ случаѣ мы имѣли бы не измѣненіе по существу, а редакціонную поправку, поясненіе недостаточно ясныхъ словъ того же стиха: διέστη ἀπ' αὐτῶν, отдѣлился отъ нихъ. Указанія самого же Луки въ Дѣяніяхъ (I. 1. 2) и даже въ Евангеліи (IX. 51, ср. выше) и ближайшій контекстъ гл. XXIV (ср. въ особенности, 50 — 53) съ несомнѣнностью говорятъ, что Евангеліе заканчивалось свидѣтельствомъ о Вознесеніи. Ср. у Plummer'a (commentary on St Luke) стр. 565, и статью Ascension въ Dictionary of the Bible, J. Hastings'a (т. I. стр. 161).

сводятся къ даннымъ опыта. Хронологическая рамка отвѣчаетъ временной формѣ воспріятія. Тема Евангелія отъ Луки есть спасеніе, и притомъ спасеніе въ полномъ смыслѣ этого слова: отъ міра, отъ грѣха и отъ страданія. Евангеліе отъ Луки начинается внѣ исторіи: глаголомъ архангела Гавріила къ священнику Захаріи и къ Дѣвѣ въ Назаретѣ. Этотъ глаголъ — отъ Бога. Евангеліе кончается предвареніемъ грядущей славы въ воскресеніи и вознесеніи. Вѣчное проходитъ сквозь временное и возвращается въ вѣчное; вводится временное въ вѣчное. Поставленная Лукою цѣль (I. 3) могла быть достигнута — и была достигнута — только въ отношеніи временнаго-выраженія вѣчнаго. Хронологическая форма и ея ограниченія отвѣчаютъ содержанію.

Это содержаніе на человѣческомъ языкѣ вообще не допускаетъ передачи. Духовная жизнь въ многообразіи ея проявленій знаетъ только разные способы приближенія. И въ этомъ смыслѣ отрицательныя формулы апофатическаго—отрицательнаго — богословія, могущаго сказать о Богѣ только то, что Онъ не-есть, а не то, что есть; полное отверженіе міра, отказъ отъ себя въ напряженіи аскетическаго подвига, и православная икона съ ея условными формами чуждыми натурализма,—все это разные способы понять и изъяснить неизъяснимое. На Западѣ религіозное искусство стремится въ новое время къ предѣльной точности портрета, и научное богословіе изучаетъ писанія Евангелистовъ, какъ произведенія историковъ. Для православнаго сознанія каждое отдѣльное Евангеліе — та же икона.

Теперь мы можемъ вернуться къ первымъ двумъ синоптикамъ. Чѣмъ объясняется, что ихъ повѣствованіе не подходитъ подъ формальные признаки исторіи? Православная наука, отправляющаяся отъ понятія богодухновенности священнаго Писанія, можетъ дать только одинъ отвѣтъ: объясняется иною цѣлью. Даже Лука, поставившій себѣ такую формально-историческую цѣль, оказался не въ состояніи вложить свое повѣствованіе въ эти рамки. Вѣчное открылось человѣческому духу въ его земномъ выраженіи, и человѣческій духъ, безсильный обнять его, прикоснулся къ нему съ разныхъ сторонъ. Различія синоптиковъ объясняются различіемъ точекъ зрѣнія. Нарочитою группировкою событій, оттѣненіемъ тѣхъ, а не иныхъ подробностей достигалась выпуклость въ передачѣ мысли, отвѣчавшей той цѣли, которую Евангелистъ себѣ поставилъ. Матеей, выросшій въ ветхозавѣтной церкви, далъ «книгу родства Іисуса

Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова» (I, 1), Евангеліе Іудейскаго Мессіи, ставшее книгою Церкви Христовой, закрѣпившею на основѣ Ветхаго Закона Новый — въ исполненіи любви и нравственнаго добра. Евангеліе отъ Марка «Евангеліе Іисуса Христа, Сына Божія» (I, 1) есть Евангеліе побѣды Бога надъ міромъ, побѣды, къ которой пріобщаются всѣ вѣрующіе во Христа и слѣдующіе за Нимъ.

Девятнадцать вѣковъ, отдѣляющіе насъ отъ писателей Евангелій, не позволяютъ каждую отдѣльную черту, каждую подробность объяснить, исходя изъ этихъ общихъ положеній. На недоступное нельзя притязать. Главное объясняется, объясняется планъ, объясняется мѣсто и значеніе отдѣльныхъ событій, объясняются многія детали.

Для подтвержденія этихъ общихъ положеній можно ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ.

Начну съ Марка. Хронологическихъ указаній въ Евангеліи отъ Марка нѣтъ. Только косвенно упоминаніе Ирода (VI, 14 и слѣд.) и Пилата (XV, 1 и слѣд.) позволяетъ связать данныя второго Евангелія съ событіями земной исторіи. Самъ Евангелистъ объ этой связи не заботился и этимъ невольно показалъ свое отношеніе къ задачѣ историка.

Сущность спасенія указывается въ заключеніи книги, которое большинство западныхъ ученыхъ считаетъ позднѣйшею прибавкою, но Священное Преданіе Православной Церкви закрѣпило въ качествѣ неотъемлемой части Евангелія: «кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ. Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками, будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы» (XVI, 16-18). Осужденіе — съ міромъ. Все Евангеліе отъ Марка является подтвержденіемъ этихъ словъ Воскресшаго. Евангеліе отличается краткостью. Въ немъ мало частей, которыхъ не было бы у другихъ синоптиковъ. Тѣмъ яснѣе внутренній смыслъ этого общаго достоянія. Главное содержаніе первой части Евангелія составляютъ чудеса Христовы. Въ чудесахъ проявляется Его божественная власть (напр. I, 22-27). Исключительное мѣсто занимаетъ изгнаніе бѣсовъ (I, 22-27, 32, 34; III, 11, 22 и слѣд.; V, 1-19). Сила Божія побѣждаетъ господствующую въ мірѣ силу бѣсовскую. Побѣда надъ міромъ

выявляется въ порядкѣ послѣдовательно смѣняющихся событій изъ жизни Господа. Поскольку хронологическій критерій даетъ Евангеліе отъ Луки, нужно признать, что и Евангеліе отъ Марка — взятое въ цѣломъ — излагаетъ событія въ хронологическомъ порядкѣ. Характерны отступленія. О призваніи учениковъ (I, 16 и слѣд.) рассказывается сразу послѣ Богоявленія, и искушенія въ пустынѣ и раньше первыхъ чудесъ (ср. Лк. IV-V гл.). Это — основаніе избраннаго стада, которое вмѣстѣ со Христомъ противопоставляется міру. Съ этого момента и начинается повѣствованіе. Въ дальнѣйшемъ развитіи событій Господь готовится учениковъ чудесами, которыя Онъ совершаетъ передъ ними (IV, 34-41; V, 1-19, 37, 40, 43; VI, 51, 52 и др.), къ исповѣданію Его мессіанскаго достоинства, и когда это исповѣданіе устами Петра происходитъ (VIII, 29), — тогда совершается переломъ Евангельской исторіи. Христосъ впервые говоритъ ученикамъ о предстоящихъ страстяхъ и воскресеніи (VIII, 39, IX, 9), на подготовкѣ къ нимъ учениковъ сосредоточиваетъ всю свою заботу (IX, 30, 31) и открываетъ имъ тайну послѣдованія за Нимъ въ отверженіи міра и несеніи креста (VIII, 34 и слѣд; IX, 35 и слѣд. и др.).

Въ Евангеліи отъ Матѳея тоже нѣтъ хронологическихъ указаній. Не говоря уже о Каіафѣ, имя котораго только между прочимъ упоминается въ связи съ совѣтомъ первосвященниковъ (XXVI, 3), даже указаніе главы II (ст. 1): «во дни царя Ирода», не вызывается стараніемъ соблюсти хронологическую точность. Иродъ есть одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣствованіи о Рождествѣ Христовомъ. Посылая учениковъ на проповѣдь, Господь предсказываетъ имъ гоненія и подвигъ мученичества (X, 20-22) тѣми же словами, которыя Маркъ сохранилъ въ составѣ эсхатологической рѣчи передъ страстями (XIII, 11-13), и которыя относятся къ послѣднимъ временамъ. О возвращеніи учениковъ не говорится.

Ученіе излагается систематически. Главы съ V по VII — это нагорная проповѣдь; за нею въ главахъ VIII и IX слѣдуетъ собраніе чудесъ: ученіе словомъ и ученіе дѣломъ. Содержаніе ученія, заключающагося въ Евангеліи, есть ученіе о Церкви. Ея истоки — въ Ветхомъ Завѣтѣ. Матѳеей дѣлаетъ особое удареніе на исполненіи мессіанскихъ пророчествъ (I, 11 и др.). Съ Давидомъ царемъ и Авраамомъ, отцемъ іудейскаго народа, Іисуса Христа связываетъ Іосифъ. Іосифъ не есть Его отецъ по плоти

(ср. I, 18 и слѣд.). Но его положеніе отца по закону Матеей подчеркиваетъ (I, 19, 20, 24). Ему даются свыше указанія относительно Младенца (I, 20 и слѣд.; II, 13, 19). Онъ нарекаетъ Ему имя (I, 25 ср. Лк. II, 21). Его отеческое попеченіе спасаетъ Мессію отъ ярости Ирода (II, 13 и слѣд.). Но Ветхому Заѣту приходитъ конецъ. Фарисеевъ, признанныхъ толкователей закона, Господь отвергаетъ, какъ лжецерковь. Въ этомъ—смыслъ обличеній XXIII главы (ст. 4-7; ср. 8-12). Начальники Іудейскіе главные виновники предательства Іуды (XXVII, 4). Они же настаиваютъ на стражѣ у гроба и подкупаютъ ее (XXVII, 62 и слѣд. XXVIII, 11-15). Господь и Его ученики въ правѣ уже не платить дидрахмы на храмъ. Христосъ поручаетъ Петру внести ее, «чтобы намъ не соблазнить ихъ». (XVII, 25-27).

Иисусъ Христосъ благовѣствуетъ приближеніе Царствія Небеснаго (IV, 17) — оно еще не наступило, — но сѣмя уже брошено; зерно горчичное уже посѣяно; закваска уже кваситъ тѣсто; сокровище, зарытое въ полѣ, уже стало извѣстно; купецъ уже нашелъ жемчужину, и неводъ уже захватываетъ рыбъ всякаго рода (XIII, 3, 24, 31, 33, 44-50). Это относится къ Церкви. Церковь въ Евангеліи отъ Матеея изображается, какъ Церковь вселенская. Воскресшій Господь говоритъ ученикамъ: «дана Мнѣ вса власть на небѣхъ и на землѣхъ: итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во все дни до скончанія вѣка» (XXVIII, 18-20). Существо Церкви есть любовь. Ея начало — въ любви Божіей, въ любви хозяина виноградника, дающаго равную плату «перенесшимъ тягость дня и зной» и тѣмъ, которые пришли въ послѣдній часъ (XX, 9-14). Любовь есть основа власти въ Церкви, какъ это вытекаетъ изъ словъ Господа сыновьямъ Зеведеевымъ, восхотѣвшимъ почетныхъ мѣстъ въ Царствіи Небесномъ. Въ контекстѣ Евангелія отъ Матеея эти слова получаютъ особое значеніе (XX, 20-28). Но любовь Божія требуетъ любви человѣческой, и на человѣческую любовь въ Евангеліи отъ Матеея падаетъ главное удареніе. Прощеніе согрѣшающему брату не имѣетъ психологическаго предѣла (XVIII, 21-35). Предѣлъ полагаетъ Церковь (XVIII, 17, 18). Пребываніе въ Церкви обусловлено требованіями моральными (гл. XIX въ общемъ контекстѣ). Въ Нагорной проповѣди на основаніи Ветхаго Заѣта (ср. V, 17 и слѣд.) дается новый христіанскій законъ.

Если сравненіе съ Евангеліемъ отъ Луки устанавливаетъ, что первые два синоптика не предполагали заключать свое повѣствованіе въ формально историческія рамки, и этотъ выводъ подтверждается отсутствіемъ у Матѳея и Марка хронологическихъ указаній, — то, съ другой стороны, сдѣланный нами краткій обзоръ наглядно показываетъ, что отличительныя особенности первыхъ двухъ Евангелій, дѣйствительно, могутъ быть объяснены тою цѣлью, которая передъ каждымъ изъ Евангелистовъ стояла.

Намъ остается теперь распространить поставленный нами вопросъ на Евангеліе отъ Іоанна. Отвѣчаетъ ли оно формальнымъ признакамъ исторіи? Общее рѣшеніе вопроса также не представляетъ затрудненія. Евангелистъ Іоаннъ не заявляетъ о формально-исторической цѣли, и въ этомъ отношеніи четвертое Евангеліе находится въ отношеніи Евангелія отъ Луки въ томъ же положеніи, какъ и первые два синоптика. Для объясненія различій мы въ правѣ отправляться отъ различія цѣли.

Голосъ Церкви засвидѣтельствовалъ богодухновенность четвертаго Евангелія наряду съ синоптиками. Преданіе сохранило свѣдѣнія о начертаніи этого Евангелія послѣ первыхъ трехъ. Во всякомъ случаѣ, въ священномъ канонѣ новозавѣтныхъ книгъ оно является какимъ то восполненіемъ синоптическихъ Евангелій. Въ чемъ же это восполненіе выражается?

Вспомнимъ характерныя особенности четвертаго Евангелія; прежде всего — со стороны формы.

Всякій сколько нибудь точный переводъ Евангелія отъ Іоанна легко сохраняетъ его форму, если только не нарушаетъ синтаксическаго строя его языка. Сочетаніе предложеній по способу не подчиненія, а, преимущественно, сочиненія и притомъ обыкновенно сочиненія соединительнаго; частое отсутствіе союзовъ, въ особенности заключительныхъ; пропуски отдѣльныхъ мыслей и послѣдующее восполненіе ихъ въ видѣ вводныхъ предложеній, а иногда и отсутствіе какого-либо восполненія, постоянно наблюдающійся параллелизмъ отдѣльныхъ членовъ предложенія, а часто и цѣлыхъ предложеній; бѣглое предвосхищеніе мысли, которая затѣмъ развивается пространно, такъ что мѣстами создается впечатлѣніе сплошной цѣли, вродѣ Дантовскихъ терцинъ; — таковы существенныя особенности языка четвертаго Евангелія, ритмическаго и однообразнаго, существенно тожественнаго въ частяхъ повѣствовательныхъ и въ рѣчахъ, которыя

приводятся въ первомъ лицѣ. Ритмическому однообразію языка отвѣчаетъ и внутренній ритмъ повѣствованія. Іоаннъ любитъ яркія конкретныя черты: знойный полдень у колодца Іаковлева (IV, 6); ночное посѣщеніе Никодима (III, 2); раннее утро на Галилейскомъ морѣ (XXI, 3 и слѣд.); отдѣльныя указанія часа (I, 39) — съ поражающей точностью; названія географическихъ пунктовъ (I, 28, III, 23 и др.); цѣнныя историческія подробности, вродѣ указанія значенія стараго Анны при его зятѣ Каіафѣ (XVIII, 13); — все это создаетъ образъ, но образъ неподвижный, моментальный разрѣзъ. Это же относится и къ притчамъ — о дворѣ овчемъ (X, 1 и слѣд.), о лозѣ (XV, 1 и слѣд.), о зернѣ (XII, 24): не развивающееся событіе, какъ притчи у синоптиковъ, а нѣчто застывшее, постоянно существующее или неизмѣнно повторяющееся. Точныя указанія мѣстъ, праздниковъ и часовъ не связывается въ одно законченное цѣлое. Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей сравнилъ Евангеліе отъ Іоанна съ моремъ, мѣрно волнующимся въ берегахъ. Эта особенность Евангелія распространяется и на отдѣльныя понятія. Точныхъ опредѣленій у Іоанна нѣтъ. Содержаніе переливается. Іисусъ Христосъ — и дверь, и Пастырь (X, 7, 9, 11, 14), и Онъ же — агнецъ (I, 29, 36). Каждый разъ, когда встрѣчается понятіе, уже употребленное, читающему приходится задумываться надъ его содержаніемъ. Это касается даже такихъ основныхъ понятій, какъ понятіе міра, какъ понятіе суда (напр. I, 9, 10, III, 16, 17, XV, 18, 19, XVII, 9 и сл. III, 17-19. V, 22-27. VIII, 15-16), и т. д. И новое значеніе часто сливается съ первоначальнымъ въ какую то особую, неповторимую гармонію.

Цѣль Евангелиста, устанавливающая основное содержаніе его книги, указана въ концѣ XX главы (ст. 31): «Сіе написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и, вѣруя, имѣли жизнь во имя Его». Но сразу за этимъ заключеніемъ слѣдуетъ новая глава: — послѣдняя — явно восполняя новымъ явленіемъ — тоже ученикамъ (XXI, 1 и слѣд.) — прежнія описанныя и неописанныя чудеса, совершенныя предъ учениками (XX, 30). Если первое заключеніе говоритъ, объ одной цѣли Евангелія: внушить спасительную вѣру въ Сына Божія — то второе заключеніе раскрываетъ вторую цѣль: дать ученіе о Церкви въ лицѣ послѣдующаго за Господомъ Петра и пребывающаго до Его пришествія возлюбленнаго ученика (XXI, 15-24). Евангеліе — это день и ночь: день, когда Свѣтъ въ мірѣ свѣтитъ

міру (I, 9, III, 19-21, VIII, 12. IX, 4, 5. XI, 9, 10. XII, 35, 36);
ночь, когда тайна Сына Божія выявляется въ Его страданіи
(XIII, 30, 31 ср. VIII, 28. III, 14. XII, 32). Прологъ (I, 1-18)
открываетъ Евангеліе, и день замыкается заключеніемъ XII
главы (44-50): и въ началѣ и въ концѣ—основное противоположе-
ніе Бога и міра, міра, подчиненнаго князю міра (XII, 31, ср.
XIV, 30, XVI, 11). Но Богъ возлюбилъ міръ и послалъ Сына
для спасенія міра (III, 16 и сл.). Страданіе есть слава — слава
Сына, въ Немъ Бога, и Его въ Богѣ (XIII, 31-32). Первосвящен-
ническая молитва выливается въ молитву о познаніи міромъ Сына,
посланнаго Отцемъ (XVII, 23). Церковь, стадо добраго пастыря,
доступна вторженію міра: волка, расхищающаго стадо, вора,
перелезающаго индѣ (X, 1, 10, 12), но это стадо — удѣлъ Божій,
оно дано Сыну отъ Отца (X, 26-29). Въ основѣ Церкви — та же
тайна Богосыновства, тайна искупительнаго подвига, въ которомъ
Богосыновство раскрывается (X, 15-18 и др.). Дарованіе Утѣ-
шителя во исполненіе обѣтованія (XX, 21-23 ср. XV, 26-27)
есть основаніе Церкви. Въ Церкви осуществляется единеніе
вѣрующихъ между собою, съ Сыномъ и съ Отцемъ (напр., XIII,
14-16, 20. XVII, 21 и слѣд.). И въ этомъ единеніи — цѣль. Еван-
геліе отъ Іоанна есть Евангеліе любви—*ἀγάπη*, любви — почита-
нія, благоговѣйнаго преданія себя Возлюбленному. Но *ἀγάπη*
имѣетъ высшую ступень. *Φιλία*, человѣческая дружба, есть
прообразъ большей дружбы, и Отець *φιλεῖ*, любитъ, какъ своихъ,
учениковъ Христовыхъ, за то, что они чрезъ *ἀγάπη* вошли въ
союзъ *φιλία* съ Сыномъ (XVI, 27). Къ этой цѣли ведетъ все Еван-
геліе: чрезъ отрицаніе къ послѣдующему утвержденію: отрицаніе
міра, не отрицаніе матеріи, чтеніе чудесъ, какъ знаменій; тайну
любимаго ученика, о которомъ не сказано, что онъ не умретъ
(XXI, 23), но и не сказано, что умретъ.

Въ Евангеліи отъ Іоанна форма соотвѣтствуетъ содержанію:
апофатическая форма — слову о несказанномъ. Въ чемъ оно
восполняетъ синоптиковъ?

Мы видѣли, что Іоаннъ не ставилъ себѣ формально истори-
ческой задачи. Это общее положеніе сдѣланнымъ нами краткимъ
обзоромъ Евангелія подтверждается. Евангеліе отъ Луки начи-
нается внѣ исторіи и уходитъ изъ исторіи. Евангеліе отъ Іоанна
все цѣликомъ говоритъ о томъ, чѣ надъ исторіей. И это — не
только выводъ. Точныя хронологическія данныя Іоанна при
ближайшемъ наблюденіи оказываются безъ точки опоры. По-

пытка расположить событія Евангелія въ ихъ исторической послѣдовательности останавливается передъ пробѣлами, требующими восполненія. Глава V относится къ Іерусалиму. Глава VI неожиданно начинается съ перехода Господа на другую сторону моря Галилейскаго (ст. 1). Когда и при какихъ условіяхъ прибылъ Господь въ Галилею? Счетъ времени по праздникамъ не является безспорнымъ. Съ другой стороны, вѣчное, какъ содержаніе Евангелія, выражается не только въ общемъ его построеніи, въ его недвижномъ покоѣ, въ его неясныхъ понятіяхъ, другъ въ друга переходящихъ; другъ друга/проницающихъ. Оно выражается и въ отдѣльныхъ частностяхъ. — Славу Сына видѣлъ Исаія (XII, 41). Его дню возрадовался Авраамъ (VIII, 56). Прославленіе — въ страстяхъ, — и, однако, «нынѣ прославися», начинается прощальная бесѣда, послѣдняя передъ страстями (XIII, 31). Нѣтъ грани вознесенія. Господь не допускаетъ прикосновенія Маріи Магдалины, какъ не восшедшій еще къ Отцу (XX, 17), и показываетъ руки, ноги и ребра сначала ученикамъ, собравшимся дверемъ затвореннымъ а потомъ и Оомъ (ст. 20, 27). Задача Іоаннова Евангелія не есть восполненіе историческое. Но, если не историческое, то какое?

Очень поучительные результаты даетъ сравненіе Іоанна съ синоптиками въ параллельныхъ мѣстахъ. Параллели между Іоанномъ и синоптиками гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ (III, 1 и сл.), фарисеемъ и начальникомъ іудейскимъ, и послѣдующія слова Крестителя его ученикамъ (III, 27 и слѣд.) возвращаютъ насъ къ вопрошеніямъ соблазненныхъ фарисеевъ и учениковъ Іоанновыхъ, сохраненнымъ у синоптиковъ (Мѣ. IX, 11, 14 и пар.). Предостереженіе исцѣленному расслабленному (V, 8, 9, 14) почти повторяетъ слова Спасителя при исцѣленіи расслабленнаго въ Капернаумѣ (Мѣ. IX, 2, сл. и пар.). Притча о дворѣ овчемъ (X, 1-16) является восполненіемъ притчи о заблудшей овцѣ у Матѳея (XVIII, 12-13) и Луки (XV, 4-7), но именно восполненіемъ, какъ и всѣ эти, и многія другія параллели. У синоптиковъ вниманіе сосредоточено на человѣческой жизни здѣсь, на землѣ. Ихъ проповѣдь — о милости къ грѣшникамъ, о связи грѣха и страданія, объ обязанности вѣрующихъ слѣдовать примѣру добраго пастыря. У Іоанна это внѣшнее ведетъ къ разумѣнію того, что составляетъ самую сердцевину, вѣчную сущ-

ность учения, подводитъ къ тайнѣ отношеній Отца и Сына, къ тайнѣ Христовой Церкви.

Это приближаетъ насъ къ положительному отвѣту на поставленный нами вопросъ: въ чемъ Іоаннъ восполняетъ синоптиковъ? Гарнакъ назвалъ четвертое Евангеліе величайшею загадкою въ исторіи древняго христіанства. Оно, дѣйствительно, загадка для нецерковнаго сознанія. Загадочно не только его происхождение и историческая цѣнность: загадочно его непреходящее вліяніе на сердца. Эту загадку и разрѣшаетъ Церковь, облакая въ образы древняго преданія только что сдѣланныя наблюденія. Это — символъ парящаго орла и образъ старца апостола, составляющаго свое Евангеліе, какъ Евангеліе духовное, съ этой стороны и восполняющее «плотскія» Евангелія синоптиковъ.

Достигнутыми выводами Евангельская проблема принципиально снимается.

Для сравненія Евангелій въ плоскости исторіи не остается мѣста, и этимъ сразу разрѣшаются наблюдаемыя между Евангеліями противорѣчія. Противорѣчій не существуетъ. Различія объясняются различіемъ цѣли.

Формально историческими цѣлями задавался только Лука, но и его исторія уже не умѣщается въ этихъ формальныхъ рамкахъ. А по своему содержанію она выходитъ за предѣлы нашего опыта, а слѣдовательно, и качественно отличается отъ обычной человѣческой исторіи.

Это не исключаетъ для православнаго изслѣдователя возможности пользоваться Евангеліемъ, какъ историческимъ источникомъ. Исторія, которую онъ сталъ бы строить, была бы исторія въ смыслѣ Евангелія отъ Луки, и путеводную нить для его построенія ему далъ бы Лука. Событія и поученія, опущенныя Лукою, онъ постарался бы ввести въ ту общую хронологическую рамку, которая дается третьимъ Евангеліемъ. Его исходною точкою было бы, въ такомъ случаѣ, сознаніе отличительныхъ особенностей трехъ остальныхъ Евангелій. Но онъ могъ бы попытаться свести историческій матеріалъ и къ тому, что допускаетъ въ полной мѣрѣ приложеніе общеисторическаго метода — сознательно себя ограничить областью доступнаго человѣческому опыту.

Общеисторическій методъ совершенно приложимъ къ изученію той внѣшней исторической обстановки, въ которой протекало земное служеніе Іисуса Христа, и которая нашла себѣ отраженіе въ нашихъ Евангеліяхъ. Но протестантская наука подошла съ этимъ методомъ и къ Самому Христу Спасителю. Проблема «Жизни Іисуса», которую она тщетно старается разрѣшить, совершенно параллельна и внутренне связана съ тѣми проблемами, которыя поставлены изученіемъ Евангелій, какъ историческихъ свидѣтельствъ о Христѣ. Безуспѣшность и безнадежность этихъ попытокъ начинаютъ уже сознавать и въ протестантской средѣ *).

Даже Лука, священный историкъ, взятый въ отдѣльности, еще не даетъ полноты. Она дана въ четверицѣ Евангелій. — Вѣчное въ его земномъ выраженіи—у синоптиковъ; предѣльное откровеніе вѣчнаго — у Іоанна.

С. Б Е З О Б Р А З О В Ъ .

*) Ср. напр. заключеніе статьи W. Sanday, Jesus Christ, въ Dictionary of the Bible. J. Hastings'a (Т. II, стр. 653).